

Глава 16. Полезное применение

На следующее утро, пока Сяо Чэньюй ещё спал, Ван Чи тихо выбрался из дома. Он хотел успеть съездить в город за виноградом, пока не поднялась жара — чтобы Цзинь Сю могла приготовить из него вино для Сяо Чэньюя.

Он только завёл машину, как из дома выскочил Сяо Чэньюй, с растрёпанными волосами, всё ещё наполовину сонный, и забрался к нему на пассажирское сиденье.

Юноша опустил зеркальце на солнцезащитном козырьке, стал приглаживать волосы и недовольно пробормотал:

— Почему ты не разбудил меня, если решил поехать в город?

— Я просто за виноградом, — терпеливо объяснил Ван Чи, протянув руку, чтобы помочь ему пригладить непослушную прядь. — Куплю и сразу вернусь, задерживаться не собираюсь.

— А я всё равно поеду с тобой, — упрямо сказал Сяо Чэньюй, поправив одежду и защёлкнув зеркальце. — Мне нужно купить кое-что в городе. Срочно.

«Что там такого срочного?» — удивился Ван Чи. Разве не всё необходимое можно взять у Ван Синьлэя?

Он так и не смог придумать, что это может быть.

Машина направилась к крупнейшему рынку в городе. Чем ближе к цели, тем медленнее ехал Ван Чи, а Сяо Чэньюй, тем временем, уже разглядывал витрины магазинов по обеим сторонам дороги. Стоило машине остановиться, как он ловко выскользнул наружу, подмигнул Ван Чи и сказал:

— Увидимся через пятнадцать минут!

— Подожди, — остановил его Ван Чи и протянул десять юаней. — Ты ведь ещё не завтракал. Сходи к тому лотку, съешь миску вонтонов.

— Брат, ты такой заботливый, — сказал Сяо Чэньюй, зажав деньги между пальцами и улыбнувшись так чисто и невинно, что это казалось почти неестественным. — Тогда и я должен позаботиться о тебе.

Слова звучали нежно, но Ван Чи почему-то почувствовал в этой улыбке что-то лукавое.

Отделившись от него, Сяо Чэньюй направился прямо в аптеку.

Накануне, перед сном, он долго ворочался, обдумывая всё произошедшее, и в конце концов решил — нужно дать Ван Чи ещё один шанс.

Может, днём тот просто перебрал вина и потому был не в форме? Или всё дело в том, что тогда уже было слишком поздно? Ведь, по сути, «аппаратная часть» у Ван Чи вполне неплохая...

Значит, шанс есть. Должен быть.

Когда фармацевт спросил, что ему нужно, Сяо Чэньюй нарочно покашлял, понизил голос и сказал:

— Здравствуйте, у меня есть один... друг. У него, эм... некоторые проблемы в этом плане. Есть ли у вас лекарство, чтобы... ну, помочь?

Продавец к таким вопросам давно привык, он спокойно достал коробочку, положил её в чёрный пакет и протянул покупателю.

Сяо Чэньюй, совершенно довольный, вышел из аптеки, неся пакет, как некий секретный трофей. И как раз в этот момент увидел, как Ван Чи входит в круглосуточный магазин на другой стороне улицы.

Ван Чи не заходил глубоко внутрь, он остановился у кассы, посмотрел на полку у стойки, взял какой-то товар и расплатился.

«Наверняка опять зажигалку купил», — уверенно подумал Сяо Чэньюй.

Он не любил запах табака, поэтому не стал к нему подходить, а просто вернулся к машине, неся свой чёрный пакет.

Спустя несколько минут Ван Чи тоже вернулся и к удивлению Сяо Чэньюя, в его руке был такой же чёрный пакет.

Что за зажигалка такая, что её даже в чёрный пакет кладут? — подумал Сяо Чэньюй, искренне недоумевая. — Не понимаю я здешних обычаев.

На обратном пути в машине стояли две большие корзины винограда.

В салоне витал свежий, сладковато-фруктовый аромат. Сяо Чэньюй, глядя в окно на мелькающие пейзажи, напевал себе под нос и с каким-то особым предвкушением ждал наступления вечера.

Ван Чи заметил, что тот всё время держит в руках свой чёрный пакет и не выпускает его ни на секунду.

— Что ты там купил такого, что держишь, будто сокровище?

— Хорошую вещь, — уклончиво ответил Сяо Чэньюй.

Он не стал уточнять, а сам перевёл взгляд на такой же чёрный пакет, что лежал у двери со стороны Ван Чи, и с любопытством спросил:

— А ты что купил?

Ван Чи, не отрываясь от дороги, спокойно ответил:

— Тоже хорошую вещь.

«Зажигалка — хорошая вещь? Ха!» — презрительно подумал Сяо Чэньюй.

После этого они оба замолчали, но настроение у них явно было отличное.

Это выражалось в том, что стоило одному или другому случайно взглянуть на свой чёрный пакет, как на лице появлялась едва уловимая, загадочная улыбка.

После обеда Цзинь Сю принялась делать виноградное вино.

Ещё в полдень она аккуратно обрезала гроздья, замочила ягоды в солёной воде, потом тщательно промыла их под проточной водой. Теперь виноград был чист и сух, и она велела Ван Чи высыпать его в большую миску. Все трое надели одноразовые перчатки и начали раздавливать ягоды по одной.

По комнате раздавался только шелест латекса и тихий хруст лопающихся под пальцами ягод. Воздух наполнился терпким, свежим ароматом — сладковатым и бодрящим.

Одному лишь Юаньбао было тяжело: бедняга сидел под столом, махал хвостом так усердно, что, кажется, он у него уже затёк, но винограда ему всё равно не доставалось.

Разминать виноград — самая трудоёмкая часть процесса, и даже втроем они провозились долго.

Ван Чи сидел за столом, сосредоточенно давил ягоды, когда вдруг ощутил, как что-то касается его ноги.

Сначала он решил, что это хвост Юаньбао, но, опустив взгляд, понял: это нога Сяо Чэньюя, протянутая из-под стола.

Стопа откровенно скользнула по его голени, а когда он не отреагировал — осмелела, двинулась выше, вдоль внутренней стороны бедра, и пальцы ног чуть шевельнулись, с недвусмысленным намёком.

На лице Ван Чи мелькнула тень, он хотел было остановить эту наглость, но перчатки мешали... поэтому он просто резко поднялся.

Цзинь Сю вздрогнула от неожиданности:

— Что случилось? Почему вдруг встал?

Сяо Чэньюй тут же убрал ногу и, с самым невинным выражением лица, повторил:

— Да, почему вдруг встал?

Ван Чи холодно взглянул на него, снял перчатки и коротко бросил:

— Дело одно есть, я поднимусь наверх.

Он развернулся и ушёл.

А Сяо Чэньюй всё ещё смотрел ему вслед — не отрываясь, будто взгляд прилип.

Такой взгляд, каким Сяо Чэньюй провожал Ван Чи, в глазах Цзинь Сю выглядел как нечто другое — будто сожаление, неохота расставаться. Женщина мысленно упрекнула Ван Чи за то, что он не желает проводить больше времени с гостем, и мягко утешила Сяо Чэньюя:

— У Ван Чи характер странный, не держи на него зла, Чэньюй.

— Всё в порядке, тётя Сю, — Сяо Чэньюй беззаботно улыбнулся. — Я человек великодушный!

Они перемешали раздавленные ягоды с кусковым сахаром, потом перелили густую массу в большой стеклянный бутыль. Оставалось лишь ждать, пока виноград начнёт бродить.

Когда всё было готово, стрелки часов уже показывали пять вечера. Цзинь Сю сказала, что пойдёт прогуляться, а Ван Чи спустился на кухню готовить ужин.

Сяо Чэньюй, оставшись один, начал бродить по двору — круг за кругом, потом зашёл в дом и стал ходить там, петляя по комнатам. От этого у Ван Чи буквально закружилась голова.

— Ты чего всё время кружишься? — не выдержал он.

— Время убиваю, — ответил Сяо Чэньюй.

— Скучно — поднимись наверх, посмотри телевизор.

— Сегодня у меня нет настроения смотреть телевизор.

«А куда же он тогда всё своё настроение направил?» — с недоумением подумал Ван Чи.

Ответ пришёл лишь вечером.

— Нам нужно поговорить, — заявил Сяо Чэньюй.

Когда Ван Чи, выйдя из душа, вытирал волосы полотенцем и направлялся к кровати, он увидел, что Сяо Чэньюй сидит там, скрестив ноги, с самым серьёзным видом. В руках он всё так же держал тот самый чёрный пакет — будто с неоценимым сокровищем внутри.

— О чём поговорить? — спросил Ван Чи, придвигая стул к кровати.

Сяо Чэньюй выпрямился, собрался и торжественно произнёс:

— Я решил дать тебе ещё один шанс. С учётом того, что вчера, возможно, у тебя просто было... не лучшее состояние. Лекарство я уже купил. Если сегодня опять не получится, тогда я...

Ван Чи моргнул, ничего не понимая:

— Что... не получится?

— У тебя! — с нажимом сказал Сяо Чэньюй. — У тебя не получится!

— У меня? — переспросил Ван Чи, и на его лице появилось выражение человека, услышавшего самый нелепый анекдот на свете. Он задумался на секунду и понял: видимо, вчерашнее поведение действительно вызвало у Сяо Чэньюя совершенно неправильное впечатление.

— То есть... — уточнил он. — В этом чёрном пакете то самое лекарство, которое ты купил для меня?

— Конечно, — кивнул Сяо Чэньюй и, не колеблясь, достал из пакета коробочку с силденафилом.

— Ты просто... — Ван Чи посмотрел на упаковку, потом на него, и не выдержав, рассмеялся.

Сяо Чэньюй, видя, что мужчина смеётся, решил, что тому неловко, и поспешил его успокоить:

— Не переживай, я всё понимаю. Мне ты всё равно нравишься. Пусть у тебя есть кое-какие... недостатки, но я ведь не такой безжалостный, чтобы из-за этого тебя бросать.

Сяо Чэньюй, не подозревая ничего особенного, взял коробку с лекарством и собирался её открыть.

Ван Чи неожиданно выхватил её из его рук, бросил на прикроватную тумбу и сказал:

— А угадай, что в моём чёрном пакете?

— Ну, конечно, твоя зажигалка. А что же ещё?

Ван Чи открыл шкаф, достал пакет и высыпал содержимое на кровать.

Сяо Чэньюй застыл, увидев перед собой две коробки презервативов.

Он не понял, что происходит.

Ведь вчера он уже сам принёс презервативы, зачем Ван Чи покупал их ещё?

И какое это вообще имеет отношение к тому, о чём они только что говорили?

Он не успел додумать, как Ван Чи вдруг оказался совсем рядом. Свет из окна падал сзади, и лицо его терялось в полумраке, но от всей фигуры исходило ощущение силы и опасности. Подняв голову, он обнаружил, что Ван Чи, неизвестно когда скинувший верхнюю одежду, теперь склонился над ним.

Сяо Чэньюй машинально отпрянул, но Ван Чи крепко удержал его, не давая отступить.

Мгновение — и между ними вспыхнуло напряжение, в котором смешались недоумение, вызов и нечто гораздо более глубокое.

Из-за встречного света он не мог разглядеть выражение лица Ван Чи, но смутно почувствовал надвигающуюся опасность.

Он инстинктивно отпрянул назад, но Ван Чи уже схватил его за плечи, обездвижив, и следом наступил агрессивный поцелуй.

В этом поцелуе Ван Чи занял абсолютно доминирующую позицию. Сяо Чэньюй был ошеломлён, и когда его сознание наконец прояснилось, он обнаружил, что с него уже стащили всю одежду, а руки Ван Чи всю озорничали.

Когда его дыхание участилось, Ван Чи убрал пальцы и прижался к нему.

Сяо Чэньюй срочно остановил его:

— Погоди.

— Что? — голос Ван Чи охрип.

Сяо Чэньюй доброжелательно напомнил:

— Ты же ещё не принял лекарство.

Ван Чи стиснул зубы, сжал подбородок Сяо Чэньюя и сказал:

— Беспокойся лучше о том, о чём следует.

Сяо Чэньюй, не смирившись, хотел что-то сказать, но, открыв рот, слова не шли, и от его заносчивости во время переговоров не осталось и следа.

Ван Чи смотрел на него сверху вниз. Взгляд был тёмным, движения рук, ласкавших его, оставались нежными, но все прочие действия были непреклонно жёсткими.

— Детка.

Сяо Чэньюй услышал, как Ван Чи называет его так.

Но у него не было сил ответить, он лишь тихо простонал.

Вскоре стоны сменились звуками с восходящей интонацией в конце.

Переворачиваясь с боку на бок, он покрывался потом снова и снова, слёзы текли из глаз, и Ван Чи целовал их, смакуя каждую каплю.

...

Сяо Чэньюй, обессиленный, лежал на бёдрах Ван Чи, с пустым взглядом уставившись в потолок.

Он никак не мог понять: сегодня Ван Чи тоже не принимал лекарства, так почему же вчера он так категорично отказал, заставив его так сильно переживать ночью.

Ван Чи запустил пальцы в его волосы, медленно, успокаивающе проводя ладонью по прядям, и негромко объяснил:

— В медпункте выдают стандартный размер презервативов. Он слишком маленький, мне такой не подходит.

Сяо Чэньюй остолбенел. Он и представить не мог, что причина была в этом. Юноша открыл рот, чтобы что-то сказать, но пересохшее горло не издало ни звука.

Теперь ему действительно хотелось расплакаться.

<http://bllate.org/book/12345/1101762>